

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РЕГУЛЯТИВЫ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье формулируются основные методологические регулятивы историографического анализа, забвение которых есть прямой путь к антинауке.

В русскоязычной научной литературе второй половины XX – начала XXI в. распространено мнение, что научное познание руководствуется рядом методологических принципов. Основные из них такие:

1. Принцип объективности. Это требование рассматривать объект таким, «каков он есть», независимо от мнения и желания субъекта.

2. Принцип всеобщей связи. Это требование рассматривать объект и учитывать в работе с ним, по мере возможности, максимальное количество его внутренних и внешних связей.

3. Принцип развития. Это требование осуществлять познание и учитывать в деятельности, что развивается сам объект, изучающая его наука, а также мышление познающего субъекта. Утверждая нечто относительно объекта, следует учитывать: а) о каком его состоянии или стадии развития идет речь в конкретном случае; б) пользуясь научным утверждением, учитывать, что оно принадлежит развитию познания на какой-либо его стадии, в определенный исторический период и уже могло измениться.

4. Принцип целостности. Это требование рассматривать объект с учетом доминанты целого над частью.

5. Принцип системности. Это требование учитывать, что для характеристики объекта важны и существенны как свойства его элементов, так и связей между ними. Важно и то, что общие, системные характеристики объекта могут определяющим образом влиять на элементы и связи.

6. Принцип детерминизма. Это требование рассматривать и включать в деятельность объект как порождение комплекса причин. Это также учет и того, что все научные положения формулируются по такой логической схеме: если будет это, то будет то-то [1].

В статье ставится задача применить их к проблеме историографического анализа.

Историографический анализ, то есть изучение и оценка какой-либо научной работы, является одним из базовых элементов исторического познания и важным этапом в любом историческом исследовании. Только после осуществления такой работы становится возможным понимание того, какие вопросы имеет смысл ставить на обсуждение, а постановка каких будет некорректной.

Во-первых, подчеркнем, что результаты такого анализа могут быть неодинаковыми у разных авторов, поскольку каждый из них руководствуется собственным общим видением ситуации, а следовательно, и своими критериями оценки работ предшественников. Неизбежно получается поле результатов, как правило, дополняющих друг друга. Так, например, одни ученые ставят работу И.М. Страховского «Губернское управление» (1913) в ряд обычных дореволюционных монографий формально-юридического характера. Другие же отмечают, что ее автор являлся не простым теоретиком, но государствоведом – губернатором, и с этой точки зрения появление его труда знаменует собой новый период в дореволюционной историографии института губернаторства, когда к анализу проблемы в открытом режиме подключились представители чиновничьей элиты. Их публичные выступления по вопросам государственного управления никогда не поощрялись в Российской империи, поэтому публикацию таких работ следует расценивать как индикатор глубокого кризиса губернаторской власти.

Заметим, что это случай, когда оценка касается не существа анализа материала, изложенного в работе, а самой работы как общественного явления. Совершенно иной случай, когда результаты относятся к содержанию работы. Здесь может быть несколько ситуаций: а) очевиден инвариант в оценке содержания работы разными историографами; б) разные историографы по-разному оценивают содержание одной и той же работы. Последнее свидетельствует о следующих возможных вариантах: 1) авторы работают в разных исторических парадигмах, отсюда и разные оценки одних и тех же явлений; 2) кто-либо из авторов глубже анализирует работу; в этом случае один анализ дополняет другой; 3) один из авторов или все допускают ошибку; в этой ситуации ошибки рано или поздно будут выявлены научным сообществом и устранены.

Все это означает, что автор историографического обзора не должен и не может претендовать ни на исчерпывающую полноту анализа, ни на оценку полученных результатов как абсолютную истину.

Во-вторых, историографический анализ всегда должен быть уважительным по отношению

к предшественникам. На наш взгляд, уважительно относиться к авторам не означает только их хвалить. Высшей оценки заслуживают те работы, результаты которых позволяют ставить новые проблемы и задачи в науке или содержат методы, которые могут быть использованы в решении уже сформулированных, но не решенных в науке задач и проблем. Элементарная научная добросовестность не должна позволить историографу оглуплять анализируемую работу, замалчивать результаты, полученные тем или иным автором. Но еще хуже, когда предшественнику приписывают результаты, им не полученные, или особенности, не присущие его работе. А из этих искаженных или придуманных «фактов» делают произвольные выводы. Делаться это может из различных соображений, ничего общего с наукой не имеющих. Такие действия есть показатель неуважительного отношения ученого к своим коллегам по цеху, в том числе и к тем, с чьими работами он так вольно обращается.

В-третьих, историограф, на наш взгляд, обязан выделять тенденции в анализе изучаемых проблем, а это, в свою очередь, требует поиска инвариантов в оценке историками тех или иных явлений и процессов. И здесь не следует забывать влияние на развитие науки идеологии. Поскольку идеологические установки, господствующие на разных этапах развития исторической науки, могли серьезно влиять на результаты исследования, наделяя правом на существование только «удобные» факты, следует оценить, были ли выявленные тенденции идеологически заданы, и если да, то в какой степени. Идеологизация может выступать как в роли искусственного ограничителя развития научного анализа, так и в роли существенного источника появления псевдонауки. Так, например, подавляющее большинство дореволюционных исследователей видело главную проблему губернаторской власти в ее архаичной и непродуманной законодательной регламентации. Упор ученых на этот фактор как основной был вызван жесткими цензурными ограничениями, которые исключали конкретно-историческую разработку проблемы, но оставляли возможность подвергнуть анализу законодательство. Здесь идеологические установки позволили сосредоточиться только на одном направлении изучения вопроса из целого ряда возможных.

В-четвертых, историограф должен исходить из того, что творческий субъект не может полностью застраховать себя от теоретических и практических ошибок и заблуждений. Но это не означает, что в его сознании следует культиви-

ровать методологическую мировоззренческую установку «я не гарантирован от ошибок». Подобная установка может быть использована для оправдания любой некомпетентности или непродуманности принимаемых решений. Некомпетентность и невежество не только разорительны, но и безнравственны. Чтобы свести возможные ошибки и заблуждения к минимуму, особое внимание, на наш взгляд, следует обращать на раскрытие авторами содержания употребляемых понятий. Нередко подразумевается, что то или иное словосочетание выступает в качестве научного понятия, а элементарный анализ показывает, что это не соответствует действительности. В результате остается неясным, что хотел сказать автор, в чем новизна полученных им результатов. Так, например, прежде чем определять какое-либо направление государственной политики как авантюру и помещать ее в ряд наиболее значительных авантур в истории страны определенного периода, следует предварительно ответить на целый ряд вопросов. Заметим, что общепринятое понимание термина «авантюра» в русском языке – это «беспринципное, рискованное, сомнительное по честности дело, предпринятое в расчете на случайный успех» [2]. Если в работе не дается другое понимание данного термина, следовательно, автор придерживается общепринятого. Тогда каковы критерии, соответствие которым позволяет считать ту или иную государственную политику нечестной? Что такое «честная» политика? Каковы критерии, которые позволяют оценить, была ли политика рассчитана на случайный успех? В чем разница между риском неудачи, который существует при реализации любой государственной политики, и расчетом на случайный успех? Может ли амбициозность реализаторов государственной политики являться критерием авантюризма последней? Могут ли авантюрные действия какого-либо реализатора государственной политики быть основанием для оценки всей этой политики как авантюрной? Почему данная авантюра считается одной из самых значительных в истории страны, то есть какие еще направления государственной политики страны этого периода, кроме рассматриваемого, автор причисляет к авантурным и на каком основании? и др.

Ясный и четкий ответ как минимум на поставленные выше вопросы делает употребление понятия «авантюра» применительно к какому-либо направлению государственной политики имеющим смысл и наполненным реальным содержанием. Отсутствие же корректного ответа

на них не позволяет поместить работу, автор который оперирует термином «авантюра» в данном ключе, в общий контекст развития научной мысли по проблеме, объективно лишает научное сообщество возможности сопоставления достигнутых исторической наукой результатов с выводами, полученными этим автором, тем самым обесценивая как их, так и призывы к коллегам подключаться к дискуссии.

В-пятых, историографический анализ должен быть конкретным. Использование словосочетаний типа «ряд авторов упорно утверждают», «судя по всему», «те, кто настойчиво пытаются доказать» и т. п. без указаний конкретных фамилий и работ недопустимо. Такой «анализ» не может дать ничего нового в научном плане, является свидетельством завышенных амбиций автора при тенденциозно неуважительном отношении к предшественникам. Частным случаем такой ситуации считаем употребление штампов. В некоторых кругах историков сложилась практика использования целого ряда оценочных суждений, которые, на наш взгляд, каждый раз при употреблении следует расшифровывать применительно к конкретной работе. Таковы, например, словосочетания «рыхлый, сырой текст», «подгон материала», «подбор фактов тенденциозен», «отсутствие аналитики» и т. д.

Для примера рассмотрим шаблонный для некоторых историков упрек в тенденциозном подборе фактов. Тенденциозность – это избирательность, односторонность. Но это все же не ложь, не противоположность истине. Давайте попытаемся понять, что могут означать критические замечания типа «автор произвольно выхватывает факты» или «факты, о которых говорит автор, не вызывают сомнений, но вот подбор их явно тенденциозен» и т. п. Очевидно, предполагается, что критикующему известно, как нужно выбирать факты, чтобы избежать тенденциозности. Сама же необходимость выбора не подлежит сомнению: наверное, ни один современный историк не будет так наивен, чтобы видеть задачу исторического исследования в изложении всех фактов без исключения. То есть в той или иной форме отбор фактов неизбежен. Выбор определяется той парадигмой, которую явно или неявно исповедует исследователь. Но в независимости от того, что это за идея, если историк стоит на точке зрения истины как высшей познавательной ценности, он будет стремиться описывать факты объективным образом, не допуская их преднамеренного искажения и умышленного сокрытия тех фактов, которые противоречат принятой им концепции. Получается, что вообще каждое исследова-

ние тенденциозно в том смысле, что оно дает свой ракурс изображения действительности, неизбежно односторонний, как всякий взгляд. Уже на уровне восприятия реальности, как установила психология, отчетливо проявляется избирательность процесса познания. Тем более это так в той сфере действительности, где познающий субъект сталкивается с невидимыми и неосозаемыми фактами. Невозможность охватить все характеристики объектов делает истину неизбежно неполной, частичной, относительной, то есть – тенденциозной, поскольку сразу возникает вопрос: «Почему, собственно, взяты именно эти, а не другие характеристики?» Сказанное касается всех наук в целом и каждой из наук. Физика тенденциозна, потому что она именно физика, а не химия и не история. История тенденциозна, потому что отвлекается от проблем других наук. Наконец, наука как таковая тенденциозна, потому что с подозрением относится к выводам здравого смысла, игнорирует результаты мифологического и религиозного осмысления реальности. Собственно, на это обстоятельство обращает внимание и австрийско-английский ученый Карл Раймунд Поппер в своей теории науки как прожектора. Он писал: «...Все научные описания фактов в значительной степени избирательны, ...они всегда зависят от соответствующих теорий. Эту ситуацию лучше всего можно описать, сравнивая науку с прожектором... Что высветит прожектор – зависит от его расположения, от того, куда мы его направляем, от его яркости, цвета и т. д., хотя то, что мы увидим, в значительной степени зависит и от вещей, которые он освещает. Аналогично, научное описание существенно зависит от нашей точки зрения, наших интересов, связанных, как правило, с теорией или гипотезой, которые мы хотим проверить. Но оно также зависит и от описываемых фактов. Все сказанное в высшей степени верно и в случае исторического описания с его «неисчерпаемым предметом исследования», как охарактеризовал его А. Шопенгауэр» [3].

Итак, всякая истина односторонняя – и потому тенденциозна. Отсюда следует, что тенденциозность как таковая – не порок. Упрек в тенденциозности справедлив лишь тогда, когда оппонент в состоянии указать на ложные или хотя бы неточные высказывания в критикуемом исследовании, на несоответствие обсуждаемого труда требованиям науки. В противном случае его обвинения лишены гносеологических оснований.

Рассмотрим другой пример – обвинение в так называемом «подгоне». Здесь надо четко понимать, что «подгон материала» может заклю-

чаться в трех моментах исследования – в постановке вопросов, подборе фактов и подборе источников, которые содержат в себе эти факты. Что касается первой части исследования, то подгон здесь может быть определен путем анализа поставленных в работе целей и задач на наличие в них заранее заданных оценок. Подгон в подборе фактов определяется сложнее. Здесь ни в коем случае нельзя ориентироваться на итоговый результат исследования. Если речь идет об оценке эффективности функционирования какого-либо государственного учреждения, то требуется, в конечном итоге, ответить: удовлетворительно оно справлялось с работой или нет. И если негативные факты доминируют, то, несмотря на все имеющиеся положительные моменты в работе того или иного учреждения, его функционирование должно быть однозначно оценено как неэффективное. Здесь уместна аналогия с ответом студента преподавателю: могут быть в его ответе и достоинства, и недостатки, но надо принять решение – зачет или незачет. Ведь однозначная позиция преподавателя в этом вопросе отнюдь не означает, что он фальсифицировал сосредоточенную у него в руках информацию. Что касается третьего момента, то анализ подбора автором круга источников на предмет возможного подгона не должен ограничиваться изучением широты этого круга. Не менее важным является выяснение того, сопоставлялись ли данные привлеченных источников между собой с целью выявления инварианта.

Употребляя оценку «подгон материала», следует, во всяком случае, указать, в каком элементе исследования автор увидел такой подгон. Но иногда отдельные «ученые» употребляют штамп, не понимая и не имея желания разобраться, что стоит за данной оценкой. Однако, несмотря на это, произнесенное с определенной интонацией и соответствующим выражением лица, суждение может произвести впечатление на неподготовленную публику, чем нередко и пользуются, пытаясь достигнуть целей, весьма далеких от науки.

В-шестых, историограф должен сосредоточиться на изучении вопроса, обладал ли тот или иной автор необходимой полнотой исходной информации для анализа. В каждой конкретной ситуации есть обязательный минимум данных, не располагая которыми, анализ ситуации проводить в принципе нельзя, ибо он будет ошибочным. Конечно, нельзя забывать, что есть специальные методы исследования ситуаций при наличии неполной информации. Ими необходимо умело пользоваться, особенно при анализе при-

родных явлений. Но они имеют значительные ограничения при историческом исследовании.

Так, невозможно сделать вывод о масштабе и динамике должностных преступлений, оперируя одними лишь официальными статистическими данными. Например, рост числа осужденных за должностные преступления лиц можно с равной степенью вероятности объяснить и усилением дисфункциональности аппарата управления, и улучшением качества работы судов, и расширением сферы действия законодательства, регулирующего данную область общественной жизни, и др. Каждая из интерпретаций будет вполне правомерной, хотя несложно заметить, что по своему содержанию они могут быть не просто различны, но и прямо противоположны друг другу. Анализ статистических материалов о служебных преступлениях следует и имеет смысл проводить только после выявления и изучения тех факторов реальной действительности, информация о которых должна помочь снять неоднозначность трактовок. На наш взгляд, существенным образом влияют на характер интерпретации статистических данных о служебных преступлениях следующие основные факторы: 1) степень соответствия представленных данных базовым источникам. Изучение этого вопроса становится особенно необходимым тогда, когда есть основания предполагать заинтересованность организации, представляющей статистические данные, в том или ином их численном выражении; 2) схема представления статистических данных. Выбор как параметров, по которым происходит представление данных, так и структуры их компоновки может позволить подать данные в выгодном или невыгодном для кого-либо свете, подчеркнуть одни и сделать трудновывявемыми другие сведения, наконец, просто скрыть определенную информацию; 3) степень изменения методики получения статистических данных. Изучение этого фактора позволяет сделать вывод о том, возможен ли в принципе анализ динамики служебных преступлений и борьбы с ними. Очевидно, что сравниваться могут только те данные, которые собраны с одной и той же территории и распределены по одним и тем же параметрам; 4) сравнимость исторических условий развития общества и государства. Корректность обращения со статистическим материалом требует учета степени однородности исторической обстановки, то есть сопоставления данных мирного периода с данными мирного периода, а данные военных лет, периода революции и т. п. – рассматривать отдельно, если иное специально не предусмотре-

но целью исследования; 5) степень изменения официальной номенклатуры служебных преступлений. Без изучения данного фактора также нельзя ответить на вопрос о сравнимости статистических данных разных лет. Было бы неправильным, например, говорить о росте числа служебных преступлений, если при этом за исследуемый период законодатель расширил список таких преступлений; 6) степень изменения порядка производства дел о служебных преступлениях. Изменение процессуальных норм, определяющих порядок привлечения к ответственности должностных лиц, может существенным образом повлиять на раскрываемость тех или иных служебных преступлений и тем самым на количественный результат работы судов. Следовательно, это обстоятельство необходимо учитывать при сравнении соответствующих статистических данных; 7) степень объективности следствия и суда по делам о служебных преступлениях. Стремление организаций, ответственных за проведение следствия и суда, по тем или иным причинам не доводить как можно большее число дел до суда и оправдывать как можно большее число подсудимых в суде, может существенно занижить соответствующие показатели статистики; 8) общая численность преступлений. Выяснение соотношения общего числа преступлений с числом служебных преступлений необходимо для оценки масштаба последних; 9) численность чиновничества. Без выяснения соотношения числа чиновников с числом служебных преступлений также невозможна оценка масштаба последних. Только предварительный анализ всех этих факторов даст исследователю возможность обладать минимально необходимой полнотой исходной информации для того, чтобы сделать научно обоснованный вывод.

В-седьмых, историограф должен в обязательном порядке выяснить, не была ли в анализируемом труде допущена подмена действительных исторических фактов уже интерпретированными фактами. В случае такой замены совершенно необоснованно накладываются запреты на другие возможные объяснения исторических

фактов, что объективно снижает степень доверия к заявленным результатам. Так, В. Суворов (В.Б. Резун), доказывая наличие у Советского Союза планов совершить агрессию в отношении Германского рейха в 1941 году, одним из краеугольных камней в системе собственной аргументации выдвигает положение о стремлении советского правительства к практической реализации идеи мировой революции [4]. Однако наличие такой цели – это лишь одна из возможных интерпретаций политики СССР. Не менее обоснованной выглядит трактовка этой политики как отказа Советского государства от экспорта мировой революции в пользу задачи построения коммунизма в одной стране. Именно эту задачу И.В. Сталин поставил перед Советским Союзом на XVIII съезде ВКП(б) [5]. Таким образом, действия СССР на международной арене могут быть истолкованы прямо противоположным образом. Это наглядно иллюстрирует ненадежность выводов, основанных не на действительных фактах, а на их интерпретациях.

В-восьмых, при анализе трудов историограф должен ясно отдавать себе отчет, что недопустимо в качестве определяющего фактора каких-либо исторических событий выделять те, которые лучше изучены. Так, Н.М. Карамзин в вопросе о причинах возвышения Москвы в XIV-XV вв. придерживался точки зрения, что определяющим фактором в этом процессе являлась деятельность московских князей, которая была подвергнута серьезному изучению в предшествующий период В.Н. Татишевым. При этом обстоятельного анализа экономической ситуации, географической обстановки проведено не было. Отсутствие таких исследований обусловило недоверие к выводам Н.М. Карамзина у последующих ученых – Н.В. Станкевича, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Н.П. Павлова-Сильванского и др.

В заключение отметим, что, во-первых, наш анализ не является исчерпывающим; во-вторых, забвение проанализированных принципов историографического анализа есть прямой путь к антинауке.

Список использованной литературы:

1. Любичанковский В.А. Культурология: естественнонаучная составляющая культуры личности. – Оренбург: Изд-во ОГУ, 2001. – С. 26-27.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – 6-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – С. 16.
3. Поппер К. Открытое общество и его враги. – Т. 2. – М.: Мысль, 1992. – С. 300-301.
4. Суворов В. Ледокол. – М.: ТКО «АСТ», 1994. – С. 15-26.
5. Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – 11-е изд. – М.: ОГИЗ, 1939. – С. 600-609.